

ЛИСТКИ ИЗЪ ДНЕВНИКА.

О грѣшныхъ и праведныхъ.

О вѣрѣ и маловѣріи.

Передо мною религіозный листокъ «Призыва» No 1. Это парижское изданіе, такъ называемаго «Собранія Духовнаго Пробужденія въ Парижѣ». Есть основаніе предполагать, что это — изданіе сектанской организаціи. Однако самая установка религіозной мысли, общій духъ листка рационалистическій и юридическій, отъ котораго не свободна и традиціонная церковная религіозность.

Содержаніе листка состоитъ въ напоминаніи о «Трехъ важныхъ истинахъ».

1. Не всѣ люди будутъ спасены.

2. Большая часть людей погибнетъ.

3. Погибнуть и многіе изъ тѣхъ, которые думали, что они будутъ спасены.

Эти три предостерегающія истины обосновываются на соотвѣтствующихъ текстахъ св. Писанія.

Передъ читающимъ эти странички проходитъ обычная картина, натуралистически толкуемаго ада, съ огненными мечами, плачемъ и скрежетомъ зубовъ грѣшниковъ. Такая участь ждетъ большинство людей. Не Іисусъ Христосъ ли сказалъ: «Тѣсны врата и узокъ путь, ведущій въ жизнь, и *не многіе* (курсивъ автора листка) находятъ ихъ». Развѣ не погибло большинство при всемірномъ потопѣ, когда сохранились только восемь человѣкъ. И не той ли участи подверглись Содомъ и Гоморра, гдѣ спаслись только Лотъ и его двѣ дочери. Большинство же погибло (Тамъ же).

Кто не читалъ самъ объ этомъ въ Писаніи, тотъ слышалъ отъ другихъ. И, да не усумнимся мы въ достовѣрности переданныхъ словъ Іисуса Христа.

Обогащенный религіозно-философскимъ опытомъ (собствен-

нымъ или по наслышкѣ) современный человѣкъ давно ушелъ отъ натуралистическаго представленія ада, съ его физическими пытками и муками грѣшниковъ. Вѣдь слова Иисуса Христа относились къ примитивному человѣческому сознанию и потому не могли не быть заражены натурализмомъ.

Однако, идея карающаго Бога, идея божественнаго наказанія, гетерономно опредѣляемаго ада донинѣ живетъ въ сознаниі людей. И вотъ, отбросивъ натурализмъ этихъ сказаній объ адѣ, перенеся центръ страданій въ душу человѣческую, все же, для христіанскаго сознаниа немислима сама идея гетерономности ада, идея карающаго Бога. Не нашъ это Богъ. Не христіанскій это Богъ, отдѣляющій грѣшныхъ отъ праведныхъ и изгоняющій ихъ на уготованныя для нихъ муки. И не христіанскіе это праведники спокойно принявшіе награду Господа и возсіявшіе въ Царствѣ Его, предоставивъ грѣшникамъ, безъ страха и упрека, переживать муки ада.

Какъ много тутъ ветхозавѣтнаго, съ мстительнымъ представленіемъ о Богѣ, сжигающимъ села, засушающимъ поля не покорившихся ему людей. И какъ далеко это отъ духа Новаго Завѣта, Бога любви, спасающаго жертвенной крестной смертью Церковь Свою.

Истинность словъ Писанія внѣ подозрѣнія. Однако, надо же учитывать ту историческую среду — окруженіе Иисуса Христа — жестоковѣрныхъ іудеевъ. Надо же было найти языкъ доступный ихъ пониманію. И тѣмъ болѣе досаднымъ и непонятнымъ кажется примѣненіе этого способа къ современному, болѣе утонченному человѣческому сознанию, съ его инымъ усложненнымъ жизненнымъ опытомъ.

Цѣль листка «Призыва» какъ и цѣль всякой миссіонерской работы — цѣль практическая — уловленіе душъ въ лоно Христіанской Церкви. И вотъ рождается вопросъ о методахъ такой работы. Во первыхъ —

можно ли путемъ устрашенія и страха уводить души въ лоно Христовой Церкви?

Юридическій и раціоналистическій характеръ отношенія человѣка къ Богу внѣдряется въ сознаніе уже съ ранняго дѣтства. Богъ наказываетъ. Богъ милуетъ. Богъ — единственный и бдительный распорядитель и устроитель судебъ человѣческихъ. Въ жизни же тѣней больше, чѣмъ свѣта; печалей больше, чѣмъ радостей. И значитъ, все чаще и чаще встаетъ передъ сознаниемъ карающій образъ Бога.

Въ жизни караетъ и по дѣламъ и безъ вины. Извѣстна же мысль: «Кого Богъ любитъ, того и наказываетъ», или, «Посылаетъ испытаніе, чтобы вѣру испытать. Тверда ли она» и пр. и т. п. А впереди неизбѣжность мукъ ада. Ибо всякая

возможность преобращенія человеческой природы здѣсь на землѣ категорически отвергается. Измученной и забитой въ тупикъ человеческой душѣ, единственной реальностью представляется не жизнь въ Богѣ, а поиски забвеній Бога. Бросаются въ тщеславный карьеризмъ, эгоистически погружаются въ семейныя радости, развратъ, пьянство. Людямъ съ меньшей душевной амплитудой удается усвоить при этомъ нормальную религіозность. Съ непросвѣтленной душой, безъ личной любви къ Богу погружаются въ обрядовѣріе. Богъ далекій, чужой. Ему приносится «жертва». «Милость» же — любовь и радость семьѣ, возлюбленной, безпутнымъ привычкамъ.

Развѣ, поговоривъ съ рядовымъ атеистомъ, не увидишь, что его невѣріе восходитъ, въ концѣ концовъ, именно къ этимъ источникамъ? Развѣ не идея Бога, какъ карающаго распорядителя всей жизни и значить, отнесеніе всѣхъ бѣдъ человеческой жизни на счетъ его карающей воли, являются исходными мотивами рядового атеизма или антитеизма? И значить, развѣ пассивный, а нынѣ воинствующій атеизмъ въ Россіи не яркій цвѣтъ многовѣковыхъ посявовъ традиціонной религіозности?

Всѣ атеистическія, матеріалистическія, механистическія философскія концепціи вырастаютъ лишь въ подтвержденіе и подкрѣпленіе уже свершившагося отпада человека отъ Бога. Несовершенный Богъ, — какъ виновникъ зла въ мірѣ —, а затѣмъ атеизмъ, матеріализмъ, механистичность и пр. и т. п.

Развязать этотъ многовѣковыми усиліями завязанный узелъ, остановить утокъ изъ Церкви и, напротивъ, привлечь все новыхъ и новыхъ членовъ ея, возможно только на построеніи новыхъ мета-физическихъ основъ. Нужно распространеніе міросозерцанія, покоющагося, въ метафизическихъ своихъ основахъ, на исконной свободѣ человека, на основѣ вмѣняемости человеку страданій и зла въ мірѣ. Только съ внѣдреніемъ въ сознаніе этой идеи, можно ждать дальнѣйшей христіанизациі міра, общества.

Больше свободной самодѣятельности. Больше сознанія личной отвѣтственности за грѣхи всѣхъ. Конечно, этотъ путь труднѣе. Гораздо легче отнести всѣ бѣды міра къ Богу. Но разъ сказалъ «иду», то — иди. А идти за Христомъ это и значить взять на себя Его крестъ, страданія. Больше затрудненности въ сознаніи своей праведности. Больше неловкости стыдливой при мысли о «заслуженной» карѣ грѣшниковъ.

Вмѣсто устрашенія наказаніемъ — намъ надо, въ духѣ подлиннаго христіанства, сосредоточить вниманіе на духѣ любви, столь обильно разлитомъ въ Евангеліи. Къ Богу Любви и путь долженъ быть путемъ любви. Не страхомъ загонять,

а, образомъ осуществленной въ жизни любви, увлекать сердца ко Христу.

Но любовь нужно понимать, какъ активное начало, охватывающее всѣ стороны жизни. Это значитъ, въ первую очередь, упраздненіе оправданной традиціонной религіозностью двойственности жизни: одно дѣло дома въ семьѣ, другое въ обществѣ; одно дѣло въ церкви на богослуженіи, другое — у себя въ министерскомъ кабинетѣ и пр. и т. п. Надо расширить понятіе Церкви, литургіи. Духъ Церкви вынести за ограду церкви. Церковный культъ расширить до божественнаго строительства всей жизни — теургіи.

Противники такой развернутой христіанизации общества, религіозной общественности обычно любятъ ссылаться на цитаты изъ Евангелія. Когда народъ окружавшій Иисуса Христа спросилъ что дѣлать намъ, чтобы спастись, Христосъ отвѣтилъ: «Покайтесь (metanoia), ибо приблизилось Царство Божіе». При чемъ, metanoia ими толкуется какъ покаяніе, исповѣдь въ своихъ грѣхахъ. Покаяться, чтобы дальше не грѣшить, чего то не дѣлать. Иначе говоря, истолковывается въ пассивномъ, отрицательномъ духѣ. Однако, ближайшій смыслъ metanoia связанъ съ глаголами «передумать», «обновить». Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія положительнаго толкованія, тутъ есть призывъ къ творческой дѣятельности, обновленію дѣятельности.

Удача историческаго христіанства будетъ зависеть отъ воплощенія во всѣхъ сторонахъ жизни образа дѣятельной любви. Только этимъ путемъ возможенъ уводъ душъ въ лоно Христовой Церкви. И не единственный ли это путь въ борьбѣ съ воинствующимъ атеизмомъ въ Россіи?

Для торжества христіанства необходимо усвоеніе иныхъ трехъ истинъ: —

1. Богъ — Любовь и сама Благость, а не карающій и мстительный.

2. Грѣхъ и страданія есть результатъ свободной человѣческой воли.

3. Преображеніе человѣческой природы и всего міра есть единственная цѣль человѣческой жизни и является дѣломъ свободной человѣческой активности, хотя и при помощи благодати.

Традиціонное толкованіе христіанства можетъ противопоставить много контрположеній мета-физическаго и этического порядка. Изъ послѣднихъ можетъ быть указано на то, что отсутствіе страха къ наказующему Богу можетъ породить еще болѣе печальную дѣятельность. Освобожденіе человѣка отъ страха передъ Богомъ, отсутствіе устрашенія могутъ

подѣйствовать призывомъ къ квіетизму, успокоенности въ своей грѣховности.

Реальность этой возможности достаточно учитывается. Но намъ нужно пройти черезъ эту антитезу. Иного пути нѣтъ. Тѣмъ болѣе, что въ безсознательномъ историческомъ процесѣ она уже пройдена. Страхъ передъ Богомъ давно забытъ.

Историческая церковь выдавала за христіанскій духъ — страхъ передъ карающимъ Богомъ и значить — рабство человѣка у Бога.

Христіанскій міръ не принялъ этого и осуществилъ — безстрашіе передъ Богомъ, какъ плодъ непріятія и забвенія Его и

рабство у своей природы.

Исторія стучить къ намъ съ призывомъ — страхъ передъ Богомъ замѣнить безстрашіемъ, но не отъ забвенія, а любви къ Богу.

И

рабство у Бога или природы измѣнить въ чувство богосыновняго дерзанія къ духовному преображенію природы и всего міра.

Наконецъ, второй вопросъ, стоящій въ логической и онтологической связи съ первымъ —

можно ли, не усвоивъ, не сдѣлавъ своими тѣхъ трехъ истинъ (см. предыд. стр.) для увода грѣшниковъ въ лоно Христовой Церкви и самимъ праведникамъ продвигаться далѣе, въ трудѣ личнаго совершенствованія, въ осуществленіи христіанской заповѣди о любви къ ближнему. Вѣдь это — путь. Притомъ долгій и тернистый. Сама ихъ онтологія не является ли губящей всѣ ихъ подобныя попытки?

Намъ еще, болѣе или менѣе, легко бремя любви къ людямъ насъ любящимъ, намъ угрожающимъ. Мы такъ охотно заносимъ ихъ въ разрядъ «добрыхъ» и «праведныхъ». Но уже встрѣча съ насъ ненавидящими и злыми вообще ставитъ для насъ этотъ вопросъ во всемъ его трагизмѣ. Какъ любить зло и злыхъ, разъ «князь міра осужденъ»? «Не любите міра, ни всего, что въ мірѣ». А если ближній — концентрація всего «мірскаго»? Какъ преодолѣть этотъ трагизмъ духовной жизни человѣка, понимая заповѣди Христа не какъ внѣшній законъ, гетерономное предписаніе, но какъ жизнь и осуществленіе полноты ея ?

Вырастаетъ тягостный крутой всходъ. Отъ достиженій отрицательнаго характера, — если не люблю, то уже не ненавижу; если дѣлаю не любя, то дѣлаю какъ бы любя переходя къ положительному осуществленію любви. И вотъ, указанный выше рационализмъ и юридизмъ традиціоннаго сознанія не яв-

ляется ли началомъ мѣшающимъ дѣлу просвѣтленной любви? Развѣ привычка къ идеѣ неизбежности гибели нѣкоторыхъ или большинства людей, второй и вѣчной смерти, происходящей по божественной санкціи уже самымъ фактомъ существованія не ожесточаетъ сердца «праведниковъ»? Путь ихъ домысловъ — путь ratio. Примѣрно онъ таковъ. Вѣрно, что должно любить каждого человѣка. Вѣдь на каждомъ почилъ рука Великаго Творца — каждый носить Его образъ и подобіе. Но вѣдь образъ Божій не — данность. Онъ заданъ человѣку. Большинство же людей не воплотило его въ дѣйствительность. Памятуя завѣты Христа о любви къ ближнему я достигъ того, что погасилъ въ себѣ чувство ненависти къ злу, злымъ. Внешне я поступаю такъ, какъ будто люблю, но внутренне... Я не могу заставить себя любить зло, злыхъ. Вѣдь любовь это стремленіе, тяга къ совершенному, доброму, прекрасному. Я люблю Бога всѣмъ сердцемъ своимъ и всѣми помыслами своими. Но зло, злыхъ? Молчить, мертва душа. Да, вѣдь и самъ Иисусъ Христосъ осудилъ зло и неизбежна кара Его грѣшниковъ.

Таковы домыслы услужливаго ratio. Таковъ печальный финалъ пути даже лучшихъ изъ «праведниковъ», преодолевшихъ ненависть, творящихъ добро, хотя бы и «какъ-бы» любя.

Человѣчество раздѣляется на двѣ категоріи «добрыхъ» и «злыхъ», «праведныхъ» и «грѣшныхъ». Идеей неизбежности ада и невозможностью преображенія утверждается бытіиственность зла. Отрицаніемъ же за человѣкомъ свободы и отвѣтственности за грѣхи ближняго успокаиваютъ совѣсть при созерцаніи зла и злыхъ.

Традиціонная религіозная мысль любить останавливаться на словахъ Иисуса Христа о плевелахъ и сорныхъ травахъ, которыя будутъ выполоты и сожжены, разумѣя подъ ними грѣшниковъ и открывающуюся передъ ними перспективу адскихъ мукъ и второй смерти. И въ то же время проходитъ мимо драгоценнѣйшей жемчужины христіанскаго ученія — смысла и значенія вѣры, этой оборотной стороны первой изъ добродѣтелей — любви. Незаслуженно мало вниманія удѣляется словамъ Христа о силѣ вѣры всемогущей, всепревозмогающей. «Истинно, истинно говорю вамъ: вѣрующій въ меня, дѣла которыя творю я и онъ сотворитъ и болѣе сихъ сотворитъ». (Іо. 14, 12, 13). «Если вы будете имѣть вѣру съ горчичное зерно, и скажете горѣ сей перейди отсюда туда, и она перейдетъ; и ничего не будетъ невозможнаго для васъ». (Мѡ. 17, 20).

Въ этихъ словахъ источникъ крушенія традиціонной религіозности. Тутъ призывъ къ свободной самодѣятельности, дерзанію, преображенію всей жизни, душъ. А развѣ и не са-

мой проблемы ада понимаемой даже какъ имманентное страданіе человѣка? Вѣра есть обличеніе вещей невидимыхъ. Вѣрящій дерзновенно отмечаетъ всѣ внѣшнія эмпирическая наслоеная въ человѣкѣ. Въ безстрашномъ творческомъ порывѣ вѣры онъ прорывается вглубь человѣческаго я. За видимымъ эмпирическимъ человѣкомъ онъ подозрѣваетъ образъ Божій. Этотъ образъ онъ только видитъ. Къ нему обращенъ его взоръ. И тогда не видитъ онъ въ мірѣ зла, злыхъ. Есть тяжеловѣсная гряда оказательствъ невѣрія. Есть злыя дѣянія, какъ плодъ дѣянія, какъ плодъ невѣрія, т. е., невидѣніе въ человѣкѣ образа Божія — творца любящаго и ждущаго любви. И есть внутренний свѣтлый ликъ человѣка, вѣчно страдающій и взыскующій любви. Надо только повѣрить, что подъ эгоистической самостью живетъ этотъ божественный образъ готовый раскрыться на призывъ любви. А гдѣ вѣра — тамъ чудо. Силою вѣры сжигаются въ душѣ эти напластованія осколковъ общаго невѣрія. Расчищается путь къ внутреннему свѣтлому лику человѣка. Сжигается злое. Въ единомъ огненномъ порывѣ вѣры намъ дано сжечь зло, адъ.

Достиженіе праведности «праведниковъ» можетъ итти единственно по линіи изживанія укоренившихся рационалистическихъ идей традиціонной религіозности. И путь къ этому — вѣра.

А если такъ, то фиксація вниманія на злѣ какъ бытійномъ началѣ, адѣ, какъ естественномъ слѣдствіи невозможности полнаго преображенія человѣческой природы, не есть ли признакъ маловѣрія?

Марія Литвякъ.